

отказываюсь считать его своим дядей, а вас любимой матерью, ибо вы позволили злодею пролить кровь, соединявшую нас нерасторжимыми узами; мало того, вступили в брак со злейшим врагом и убийцей моего отца, чего не допускает честь и что невозможно без вашего согласия на его убийство.

О королева Герутта! Только сука готова совокупляться с кем попало и вступать в брак со многими зараз. Что, как не низменная похоть, вытравило из вашего сердца память о доблестях и заслугах славного короля, моего отца, а вашего супруга! Что, как не разнузданная страсть, побудила дочь Рорика обнимать блудника Фангона, презрев память Хорввендила? Разве это допустимо? Разве он заслужил, чтобы родной брат предательски убил его, а жена подло изменила, – та самая жена, которую он так любил, ради которой некогда завоевал все богатства Норвегии и победил ее лучших воинов, чтобы тем умножить достояние Рорика и сделать Герутту супругой самого храброго государя Европы? Прилично ли женщине, тем более королеве, – которая должна служить примером простоты, любезности, дружелюбия и участливости, – бросить свое дитя на произвол судьбы, отдать в кровавые руки обманщика, вора и убийцы? Даже дикие звери так не поступают! Львы, тигры, ягуары и леопарды защищают своих детенышей; хищные птицы – клювом, когтями, крыльями – отбивают своего птенца у врагов, задумавших его украсть. А вы покинули меня и отдали на смерть, вместо того чтобы взять под свою защиту. Это ли не предательство: зная свирепость тирана, его намерения, его ненависть к отпрыску и живому портрету убитого брата, даже не позаботиться укрыть свое дитя в Швеции, или в Норвегии, или отдать его на милость англичан? Все лучше, чем оставить его здесь, добычей бесстыдного прелюбодея! Не обижайтесь, государыня, прошу вас, если в своем отчаянии я говорю с вами грубо и не оказываю должного уважения; надо ли удивляться, что я перехожу всякие границы учтивости, если вы меня покинули и перечеркнули память о покойном короле, моем батюшке. Подумайте сами, в какой я беде, какая горькая участь выпала мне на долю, куда завели меня ваше неразумие и легкомыслие! Ведь я вынужден прикидываться сумасшедшим и вести себя как юродивый, чтобы спасти свою жизнь! Не больше ли мне пристало учиться воинскому искусству и водить в бой дружину, чтобы все узнали во мне сына славного короля Хорввендила? Не попусту, не без причины я разговариваю и веду себя как помешанный; не напрасно стараюсь, чтобы меня считали дурачком и умалишенным. Понимаю же я, что кто не погнушался убить родного брата, – ибо привык к убийству и рвется к власти, и некому предостеречь его против злодеяния и душегубства, – тот не постыдится столь же безжалостно умертвить дитя, рожденное от крови и плоти убитого брата. И потому лучше мне прослыть слабоумным, чем выказать разум, дарованный мне природой; его светлое, святое сияние я должен прятать под покровом безумия, как солнце прячет свои лучи за благодетельной тучей в знойную пору лета. Маска юродивого нужна мне, чтобы под нею скрыть мои смелые замыслы, а кривлянья помешанного – чтобы уцелеть ради чести Дании и ради памяти покойного короля, моего отца. Ибо мстью полно мое сердце, и если я не умру завтра, то отомщу так, что меня надолго запомнят люди этой земли. Но надо выждать, пока не придет мой час и не приведет с собой средство и случай: я не могу торопить время и рисковать, что делу Моему придет конец раньше, чем я приступлю к его исполнению. Против клятвопреступника, изверга и вора позволительно употреблять самые небывалые козни и обманы, на какие только способно человеческое хитроумие. Сила не на моей стороне; значит, хитрость, притворство и тайна должны лечь на другую чашу весов. Впрочем, скажу так, государыня: не горюйте, что я сумасшедший; лучше плачьте и кайтесь в своем грехе и проливайте слезы по доброй славе, некогда красивой имя королевы Герутты. Пусть душу вашу угрызают не чужие изъяны, а собственные ваши пороки и безрассудства. В заключение прошу вас и заклинаю всем, что есть дорогого в жизни, не открывать ни королю, ни кому другому нашего разговора; дозвоьте Мне довести до конца мое дело, а я надеюсь, что счастье будет мне сопутствовать.

Хотя речи эти глубоко уязвили королеву, ибо Гамлет затронул ее больное место, она простила ему суровые и злые упреки; превыше досады была ее радость, что сын вполне разумен и здрав умом и обещает достичь многого в дальнейшем. Она и боялась глядеть ему в глаза, сознавая свою вину, и в то же время руки ее сами тянулись обнять его в благодарность за справедливый выговор; речи его так глубоко на нее повлияли, что она разом потушила в своем сердце пламя плотских вожделений, привязавших ее к Фангону, и воскресила в себе память о доблестном супруге, и сокрушилась по нем в душе своей, увидя живой образ его ума и достоинства в их сыне, наследнике высоких помыслов отца. Сраженная сими благородными чувствами, она долго глядела на Гамлета,